

Интервью Сергея Кочубея (С.К.) с Денисом Варфоломеевым (Д.В.)

С.К.: Денис Александрович, я посмотрел ваши биографии, и получается, что разрыв между вами по возрасту около 50-ти лет. Сказывалась ли эта разница на ваших взаимоотношениях?

Д.В.: Само собой разумеется, что разница должна сказываться, ведь это были отношения учителя и ученика. Но хотя Валентин Федорович достиг больших высот, он был очень доступным человеком, мы могли с ним говорить на любую тему, при этом не испытывая никаких проблем в общении. Больше всего, наверное, на это повлияло то, что у нас, по большому счету, оказались родственные души: во-первых, мы оба – механики по образованию, во-вторых, так случилось, что с самого начала я работал в лаборатории, которая занималась разработкой комплекса программ «Волна», а это его детище, да и многие принципиальные взгляды у нас совпадали.

С.К.: Как я понял, Валентин Фёдорович не был Вашим непосредственным руководителем?

Д.В.: Не совсем так. Изначально Куропатенко был моим научным руководителем в аспирантуре, но, к сожалению, там не сложилось. В дальнейшем чисто административно мы никак не были связаны, так как Валентин Фёдорович был главным научным сотрудником другого отделения, поэтому нас связывали только личностные и профессиональные отношения.

С.К.: И, тем не менее, когда возникали такие ситуации, что требовался какой-то совет, может быть, какие-то ориентиры в работе, можно ли было обратиться к Валентину Фёдоровичу? Говорят, что атмосфера доверительности всегда присутствовала в общении с ним.

Д.В.: Я даже больше скажу, мы этим пользовались и пользовались очень часто. Вот, например, мы сидим у себя на рабочем месте, решаем какой-то вопрос и не можем его решить, а нужно быстро найти ответ. Я встаю и говорю: «Сейчас схожу к Валентину Фёдоровичу». Не знаю, как остальным, а мне он никогда не отказывал. Сколько бы раз я к нему ни заходил, он никогда не сидел без дела, но всегда все бумаги откладывал в сторону, и без ответа я от него никогда не уходил, хотя бы несколько минут, но мы беседовали по поводу моего вопроса. С ним можно было обсуждать любой вопрос, и сейчас нам этого очень не хватает.

С.К.: Может быть, я понял не совсем точно про знаменитый метод расчёта ударных волн Куропатенко, который и сейчас является популярным и применяется. Вот интересно, человек уже закончил свой путь, а дело его живет.

Д.В.: Сейчас я, можно сказать, являюсь хранителем этих знаний. Я пришёл работать в институт в 2002 году и попал в лабораторию, которая занималась комплексом программ «Волна». В основе комплекса лежит неоднородный разностный метод Куропатенко, который позволяет выделять ударные фронты. Это уникальный комплекс, и по возможностям, которые в него внедрены, аналогов ему нет до сих пор. Тогда этим комплексом занимался Геннадий Васильевич Коваленко – ученик Валентина Фёдоровича. В то время мы периодически обращались к Валентину Фёдоровичу за консультацией, но в 2006 году Геннадий Васильевич скоропостижно скончался, и тогда остались я и Валентин Фёдорович. Мы с ним существенно плотнее начали взаимодействовать по вопросам и методическим, и научным, которые касаются программы «Волна». А сейчас, после его ухода, мы продолжаем дело всей жизни Валентина Фёдоровича. Считается, что программа «Волна» – это некий знак качества, хотя многие её воспринимают просто как калькулятор, но на нём решаются достаточно сложные задачи. Ведь это не только сам метод, в «Волну» заложено очень много алгоритмов, моделей, уравнений состояний, и всё это благодаря Валентину Фёдоровичу. Он во многих вещах был первым, не стеснялся и не боялся брать на себя решение каких-то амбициозных задач, и решал их, пока не добьётся цели.

Вот одна из таких историй, достаточно известная в узких кругах, о том, как говорил сам Валентин Фёдорович, почему он создал программу «Волна». Известно, что первые расчёты проводились по методу характеристик. Расчёты велись вручную командами девушек-расчётчиц на счётных машинах «Мерседесах». Потом появились первые ЭВМ, и стали использоваться так называемые методы сквозного счёта, когда все ударные волны размазываются. Начали осваивать новую вычислительную технику, и оказалось, что при этом потерялась наглядность тех картин течения, которые были при методе характеристик. Тогда Евгений Иванович Забабахин, которого Валентин Фёдорович считал одним из своих учителей, наряду с Николаем Николаевичем Яненко, поставил задачу: «Хочу видеть ту же самую наглядную картину, которая была до этого!». И, как сам Валентин Фёдорович говорил, «мы сделали это!». Конечно, это было непросто сделать, это были абсолютно неочевидные

вещи, и многие до сих пор не до конца понимают, как это было сделано. А сделано это было в 1965 году – это просто космос какой-то!

С.К.: Время не стоит на месте и всё равно свое берёт, и сегодня, наверное, на смену этому методу Куропатенко пришли какие-то другие методологические подходы и методы счета?

Д.В.: Если брать те времена, конец 60-х, 70-80-е годы, то тогда, конечно, комплекс программ «Волна» закрывал расчёты по очень многим институтским темам. Сейчас вычислительные мощности совершенно другие, чем были в те годы, и наши расчёты уже больше носят сравнительный характер, их можно использовать как некий эталон. Все сравнивают с нами. Конечно, приходят новые методы, каждый из которых обладает своими достоинствами и своими недостатками, и это нормально.

С.К.: Не хватает Вам Валентина Фёдоровича?

Д.В.: Безусловно! Не хватает во всём! Валентин Фёдорович для нас для всех был не только научным руководителем, он и человек был замечательный. Многие в своих воспоминаниях пишут, что он был человек–праздник. И это действительно так и было. Он умел поднимать настроение людям, в любой компании он был своим, даже если он попадал в незнакомую компанию, то он достаточно быстро становился родным. Валентин Фёдорович настолько многогранен, что для нас его уход – это большая потеря во всех смыслах, и, в первую очередь, это большая потеря для нашего института в научном плане. Когда личности такого масштаба покидают нас, это всегда очень сильно сказывается на научном потенциале организации.

С.К.: Вы сказали человек-праздник. А ведь когда Вы в 2002 году пришли в Институт, Валентину Фёдоровичу было «немножко» за 70, неужели он проявлял себя как весёлый, радушный, жизнерадостный человек? Ведь в этом возрасте уже обычно о других вещах задумываешься.

Д.В.: Да, многие люди уже в 60-65 лет собираются куда-нибудь, типа на пенсию, а Валентин Фёдорович не из этого разряда. Он до последних дней продолжал активно работать, причём постоянно. И на рабочем месте он всегда писал статьи, прорабатывал какие-то научные материалы, реферировал работы коллег, то есть никогда без дела не сидел, и дома вечером, и в выходные. При этом я бы не сказал, что он был такой трудоголик до мозга костей, он умел и отдыхать. В свое время он рассказывал, что и на машине, которую он сам ремонтировал, чуть ли не всю страну объездил с семьёй, и участвовал во всех

научных мероприятиях, которые в советское время было принято проводить в разных городах СССР.

Я даже больше скажу. Году где-то в 2012 я как-то прихожу к нему, а он говорит: «колено болит». Оказывается, он в большой теннис играл и, неловко прыгнув, подвернул ногу. Когда общаешься с Валентином Фёдоровичем, то это воспринимается совершенно нормально, что человек в 78-79 лет играет в большой теннис, хотя вообще-то это удивительно! На самом деле он такой активный образ жизни вёл всегда и спортом занимался до последнего.

С.К.: Я обратил внимание, что люди того поколения, к которому принадлежал Валентин Фёдорович Куропатенко – это те люди, которые стояли у истоков предприятия атомной отрасли, первыми приехали сюда, осваивали уральские земли. Они все – какие-то неугомонные энтузиасты, люди, безусловно, талантливые в науке, но при этом увлекающиеся всем и вся, широкой души романтики.

Д.В.: С одной стороны, может быть, время было такое, а с другой стороны, время это было очень интересное, с той точки зрения, что все они были первооткрыватели. Ту науку, которой мы сейчас все занимаемся, эти разные методы решения задач механики сплошной среды, фактически, её создали они – всё было новое, открывалось с нуля и впервые.

С.К.: Полагаете, что время играет определяющую роль, и 50 с лишним лет назад мы все были бы такими же?

Д.В.: Возможно... Когда государство ставит задачи – особо не расслабишься, с одной стороны, с другой стороны, это же была большая концентрация умов. Самые талантливые выпускники вузов были собраны со всей страны и создали определенную концентрацию интеллекта, который способен создавать научные открытия, разрабатывать серьезные вещи. Если этого не будет, то, как говорится, один в поле не воин.

Если посмотреть на Валентина Фёдоровича, то он, безусловно, выдающаяся личность, и он многое что создал. Причём интересно, что есть такие личности, которые, добившись успехов, потом просто генерируют крупные идеи и всё, а Валентин Фёдорович не такой был, он сам сгенерирует идею и сам же может до, условно говоря, последнего винтика её разобрать. Своим ученикам он давал такие задания, в которых он сам сначала полностью всё прошел, а потом смотрел, как это получается у учеников. Так вот, Валентина Фёдоровича всегда окружали люди, которые работали с ним, работали на него, выполняли его задания и воплощали в жизнь его идеи – это

сотрудники 36 отдела бывшего 3-го сектора. Хотя сейчас и считается, что его основная заслуга – это создание комплекса программ «Волна», но это не так, это не только метод, там много всего было заложено, и идей-то таких, в которых Валентин Фёдорович был первым. Кто-то сейчас может считать это обыденностью, либо говорить, что на сегодняшний день модели не совсем точные, но, извините, когда они только вкладывались, то они были впереди планеты всей. Причём, идей у Куропатенко всегда было много, помимо комплекса программ «Волна» он был идейным вдохновителем в начале создания многих других комплексов, он был руководителем этих работ, и его работы шли очень широким фронтом. Как он мог всё это успеть, я даже не представляю, учитывая ещё и то, что всю свою жизнь он занимался преподавательской деятельностью, участвовал во всяких правительственных и межведомственных комиссиях разного уровня, на которых, по отзывам, он никогда не отсиживался формально, а везде принимал самое деятельное участие.

С.К.: Вы сказали «работали на него», это же не означает, что руководство было авторитарным по типу «я сказал, а вы работайте, и потом посмотрим на итоги». Наверняка это было больше похоже на сообщающиеся сосуды?

Д.В.: Мне, конечно, трудно говорить о том времени, я не знаю, насколько он мог быть авторитарным. Но, конечно, он был требовательным, требовательным, прежде всего, к себе, и этим он заражал остальных. Многие люди критику не воспринимают, а Валентин Фёдорович всегда воспринимал её адекватно. Во всяком случае, так было со мной. Когда он что-то предлагал, мы эту идею обсуждали, как-то обдумывали оба, и, не исключено, что в ходе научного спора я что-то критиковал, не саму его идею, а я как бы смотрел на неё с другой стороны, чтобы в итоге на возможные вопросы где-то вне нашего коллектива, у него уже был точный и корректный ответ.

С.К.: В споре рождалась истина, но истина принадлежала всем?

Д.В.: Да, но я не исключаю, что в то время, 50 лет назад, Валентин Фёдорович был более требовательным, потому что и задачи ставились конкретные, и сроки тогда были более жёсткими.

С.К.: Спасибо, Денис Александрович, за эту встречу. Будем помнить о тех временах, о тех людях, которые стояли у истоков создания ядерного проекта, и будем им благодарны за то наследие, которое они нам оставили.

Д.В.: Мы всегда будем помнить о них. Вообще, на самом деле, такие масштабные личности не у каждого на веку встречаются, и я благодарен

Судьбе за то, что я общался с Валентином Фёдоровичем, общался достаточно тесно, мы могли разговаривать абсолютно на любые темы.

С.К.: И, может быть, в чём-то эта встреча с Куропатенко Валентином Фёдоровичем предопределила какие-то повороты в Вашей жизни, какие-то научные устремления?

Д.В.: Эта встреча в самом глобальном смысле определила всю мою дальнейшую научную жизнь, потому что вся моя жизнь – это комплекс программ «Волна», и всё у меня замечательно, одно только плохо, плохо, что люди не вечны.